

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ. ЖЕНЩИНА С ФОТОГРАФИИ	9
------------------------------------	---

Часть первая. ЖИЗНЬ

1. Прием у врача	21
2. Кlover	27
3. Диагноз и лечение	38
4. Рождение HeLa	47
5. «Чернота заполняет все внутри»	56
6. «Дама по телефону»	64
7. Жизнь и смерть культуры клеток	72
8. «Несчастнейшее существо»	80
9. Станция Тернер	85
10. По другую сторону дороги	97
11. «Дьявольская боль»	104

Часть вторая. СМЕРТЬ

12. Буря	111
13. Фабрика клеток HeLa	116
14. Хелен Лэйн	130
15. «Слишком мала, чтобы ее помнить»	135
16. «Проведут вечность в этом месте»	144
17. Незаконное, аморальное и прискорбное	154
18. «Самая странная гибридная форма жизни»	166
19. «Сейчас самый решающий момент на этой Земле»	175
20. Бомба HeLa	184
21. «Ночные доктора»	190
22. «Наслаждаться славой, которую она вполне заслуживает»	204

Часть третья. БЕССМЕРТИЕ

23. «Она жива»	215
24. «Они, по крайней мере, могли бы»	228
25. «С чего это вы взяли, что можете продать мою селезенку?»	237
26. Нарушение неприкосновенности частной жизни	247
27. Секрет бессмертия	253
28. После Лондона	260
29. Целая деревня Генриетт	276

30. Захария	286
31. HeLa, богиня смерти	296
32. «Все это — моя мать»	306
33. «Больница для сумасшедших негров»	317
34. Медицинские записи	331
35. Очищение души	339
36. Тела небесные	348
37. «Бояться нечего»	351
38. Долгая дорога в Кlover	360
Герои этой истории	367
Где они теперь	372
Хронология	375
Послесловие	384
Благодарности	399
Примечания	411
Об авторе	441

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Это документальное произведение. Не изменено ни одно имя. Ни один персонаж и ни одно событие не были придуманы. Работая над этой книгой, я тысячи часов проводила интервью с семьей и друзьями Генриетты Лакс, а также с адвокатами, специалистами в области этики, учеными и журналистами, писавшими о семье Лакс. Я также пользовалась обширными архивами фотографий и документов, научными и историческими исследованиями и личными дневниками Деборы, дочери Генриетты.

Я старалась максимально точно воспроизвести язык, на котором говорил и писал каждый из действующих лиц: диалоги представлены на местных диалектах, отрывки из дневников и иных личных записей процитированы в точности как в оригинале. Как сказал мне один из потомков Генриетты: «Нечестно, если вы приукрашиваете речь людей и меняете то, что они сказали. Это значит отнять их жизнь, их опыт и их самость». Во многих местах я адаптировала слова собеседников, когда они описывали свой мир и жизненный опыт. Для этих целей я пользовалась речевыми оборотами того времени и социальной среды, включая такое слово, как «цветной». Члены семьи Лакс часто вместо «Джонс Хопкинс» говорили «Джон Хопкин», и я сохранила этот вариант при цитировании их речи. Все написанное от первого лица от имени Деборы Лакс является ее настоящей речью, я меняла

только длину предложений и иногда перестраивала фразы для большей ясности.

Поскольку Генриетта Лакс умерла за несколько десятилетий до того, как я начала писать эту книгу, то, чтобы восстановить события ее жизни, мне пришлось взять за основу интервью, юридические документы и ее медицинские записи. Все приведенные диалоги либо воссозданы на основе письменных документов, либо процитированы дословно, исходя из сказанного мне во время интервью. По возможности точности ради я старалась проводить неоднократные интервью с разными людьми. Отрывок из медицинского документа Генриетты в первой главе представляет собой краткое резюме многих разнородных записей.

В книге часто встречается слово HeLa, используемое как название клеток, выросших из клеток шейки матки Генриетты Лакс. Оно произносится как «хи-ла».

О хронологии: для научных исследований указаны даты проведения исследования, а не его публикации. В некоторых случаях эти даты приблизительны, так как отсутствуют записи о точных датах начала исследований. Также, поскольку повествование переходит от одной истории к другой, а научные открытия совершались на протяжении долгих лет, в некоторых местах книги для большей ясности я описывала научные открытия последовательно, даже если они относились примерно к одному и тому же времени.

История Генриетты Лакс и клеток HeLa затрагивает важные научные, этические, расовые и классовые проблемы. Я постаралась как можно яснее изложить их в рассказе о семье Лакс. Кроме того, я написала послесловие на тему нынешних юридических и этических дискуссий вокруг исследований и прав владения тканями тела. На эту тему можно сказать намного больше, но это уже выходит за рамки данной книги. Поэтому я предоставляю сделать это ученым и экспертам в соответствующих областях. Надеюсь, читатели простят мои ошибки.

Пролог

Женщина с фотографии

Ни одного человека нельзя рассматривать абстрактно. Напротив, в каждом человеке мы должны видеть вселенную, с ее собственными секретами, сокровищами, источниками страданий и с некоторой долей триумфа.

Эли Визель. Врачи-нацисты и Нюрнбергский кодекс

У меня на стене висит фотография женщины, с которой я никогда не встречалась; левый угол надорван и подклеен скотчем. Женщина смотрит прямо в камеру и улыбается, ее руки лежат на бедрах, костюм тщательно отглажен, а на губах — ярко-красная помада. На дворе — конец 1940-х, ей еще нет и тридцати. Гладкая кожа цвета кофе с молоком, молодой и задорный взгляд — она еще не знает о растущей внутри нее опухоли, которая оставит без матери ее пятерых детей и изменит будущее медицины. Под фотографией написано имя женщины — Генриетта Лакс, Хелен Лэйн или Хелен Ларсон.

Неизвестно, кто сделал эту фотографию, но она сотни раз появлялась в журналах и научных пособиях, в блогах и на стенах лабораторий. Обычно ее называют Хелен Лэйн, а часто и вовсе оставляют без имени, используя сокращение HeLa в качестве кодового названия первых в мире бессмертных человеческих клеток — ее клеток, вырезанных из шейки матки всего за несколько месяцев до ее смерти.

Ее настоящее имя — Генриетта Лакс.

Годами я смотрела на эту фотографию, думая, какой была жизнь этой женщины, что случилось с ее детьми и что она подумала бы о клетках из своей шейки матки, обретших вечную жизнь, триллионы которых продаются и покупаются, пакуются и отгружаются в лаборатории по всему миру. Я пыталась представить, какие бы чувства у нее возникли, узнай она, что ее клетки первыми отправились в космос, чтобы выяснить, что происходит в невесомости с клетками человеческого тела, или что они способствовали некоторым самым важным достижениям в медицине: помогли создать вакцину от полиомиелита, химиотерапию, клонирование, искусственное оплодотворение и генное картирование. Совершенно уверена, что она, как и большинство из нас, была бы шокирована известием о том, что в лабораториях существует в триллионы раз большее количество ее клеток, нежели было при жизни в ее собственном теле.

Невозможно точно узнать, сколько клеток Генриетты живо и по сей день. По оценке одного из ученых, если сложить вместе все когда-либо выращенные клетки HeLa, то получится более 50 метрических тонн — невероятное число, если учесть, что отдельная клетка практически ничего не весит. Другой ученый подсчитал, что, если расположить в линию все когда-либо выращенные клетки HeLa, они протянутся более чем на сто тысяч километров и ими два с половиной раза можно обернуть Землю. Сама Генриетта в расцвете лет была ростом чуть выше пяти футов.

Впервые о клетках HeLa и женщине — их доноре я узнала в 1988 году, спустя тридцать семь лет после ее смерти, сидя на уроке биологии в местном колледже. Мне тогда было шестнадцать. Наш преподаватель Дональд Дефлер, похожий на гнома лысеющий мужчина, подошел к передней части лекционного зала, щелкнул выключателем проектора и указал на две диаграммы, появившиеся позади него на стене. Это была схема репродуктивного цикла клеток, однако для меня

она выглядела как разноцветная мешанина из стрелок, квадратов и кружочков с непонятными фразами вроде «Фактор созревания инициирует цепную реакцию активации белков».

Ребенком я провалила первый год обучения в обычной государственной школе, потому что никогда там не появлялась. После чего я перевелась в альтернативную школу, где вместо биологии изучали мечты и грезы, и, чтобы набрать нужное количество зачетов за курс средней школы, ходила на занятия к Дефлеру. Это означало, что в шестнадцать лет я сидела в аудитории колледжа, где обсуждались слова типа «митоз» и «ингибиторы киназы». Я была в растерянности.

«Нужно ли нам учить все, что есть в диаграммах?» — воскликнул один из учащихся.

«Да», — ответил Дефлер; следует запомнить диаграммы, и да, они будут в тестах, однако на данный момент это не важно. Он хотел, чтобы мы поняли, насколько это удивительная штука — клетки: в теле каждого из нас их примерно сто триллионов, и каждая настолько мала, что несколько тысяч клеток могут уместиться на точке в конце этого предложения. Из клеток состоят все наши ткани — мышцы, кости, кровь, которые, в свою очередь, образуют наши органы.

Под микроскопом клетка похожа на яичницу-глазунью: у нее есть белок (цитоплазма клетки), состоящий из воды и протеинов, которые служат для питания клетки, и желток (ядро), содержащий всю генетическую информацию, благодаря которой вы — это именно вы. Цитоплазма бурлит, как улица Нью-Йорка. Она до краев наполнена молекулами и транспортными средствами, которые без остановки перевозят ферменты и сахара из одной части клетки в другую, а также перекачивают воду, питательные вещества и кислород внутрь клетки и из нее. В совокупности маленькие цитоплазматические фабрики работают безостановочно, в массе производя сахара, жиры, белки и энергию, необходимые для поддержания клетки в рабочем состоянии и для питания ядра, которое является мозгом этого процесса. Внутри

каждого ядра каждой клетки вашего тела находится идентичная копия всего вашего генома. Этот геном указывает клеткам, когда им расти и делиться, и проверяет, выполняют ли они свою работу (будь то контроль вашего сердцебиения или отслеживание того, понимает ли ваш мозг слова, напечатанные на этой странице).

Дефлер шагал по аудитории и рассказывал нам, что митоз — процесс деления клеток — дает возможность эмбрионам вырастать и превращаться в младенцев, а нашим телам — создавать новые клетки для заживления ран или для восполнения потерянной крови. «Это очень красиво, — говорил он, — как в совершенстве отрепетированный танец».

По его словам, достаточно одной малейшей ошибки на любом этапе процесса деления клеток, чтобы они начали расти бесконтрольно. Пропуск всего одного фермента, активация одного-единственного неправильного белка — и можно заболеть раком. Начинается беспорядочный митоз, и болезнь распространяется.

«Это выяснилось благодаря изучению культивированных раковых клеток», — усмехнулся Дефлер, повернувшись к доске, где огромными буквами заранее написал два слова: «ГЕНРИЕТТА ЛАКС».

Как рассказал нам Дефлер, Генриетта умерла в 1951 году от тяжелого случая рака шейки матки. Однако еще при жизни хирург взял у нее образцы опухоли и поместил их в чашку Петри. Десятилетиями ученые пытались культивировать человеческие клетки, однако все образцы рано или поздно гибли. Клетки Генриетты вели себя иначе: они воспроизводили себя каждые двадцать четыре часа, и этот процесс никогда не останавливался. Они стали первыми бессмертными клетками, когда-либо выращенными в лаборатории.

«Теперь клетки Генриетты живут вне ее тела куда дольше, чем жили прежде в теле хозяйки», — сказал Дефлер. По его словам, если открыть холодильники практически любой лаборатории культивирования клеток, то там, скорее всего,

окажутся миллионы, если не миллиарды клеток Генриетты, спрятанные в маленьких пробирках во льду.

Ее клетки стали частью исследования генов, вызывающих рак и подавляющих его, они помогли разработать препараты для лечения герпеса, лейкемии, гриппа, гемофилии и болезни Паркинсона. Их использовали при изучении усвоения лактозы, болезней, передающихся половым путем, аппендицита, продолжительности человеческой жизни, спаривания комаров и отрицательного воздействия на клетки работы в канализационных коллекторах. Хромосомы и белки этих клеток исследовались с такой тщательностью и подробностью, что ученые знали в них каждый изгиб. Клетки Генриетты, подобно морским свинкам и мышам, превратились в стандартную лабораторную «рабочую лошадку».

«Клетки HeLa стали одним из важнейших событий в медицине за последние сто лет», — заявил Дефлер.

Затем он сказал, сухо и как бы вспомнив упущенную мысль: «Она была черной», одним движением стер ее имя с доски и выпустил мел из рук. Урок закончился.

Пока остальные учащиеся выходили из аудитории, я сидела и думала: «И все? Нам больше ничего не расскажут? Ведь эта история не закончилась».

И пошла за Дефлером к его кабинету.

«Откуда она родом? — спросила я. — Знала ли она, насколько важными оказались ее клетки? У нее были дети?»

«Я бы и рад тебе ответить, — промолвил он, — только о ней никто ничего не знает».

После занятий я помчалась домой и бросилась на кровать в обнимку с учебником биологии. Поискала в указателе «культура клеток» и прочла небольшое пояснение в скобках:

«Культированные раковые клетки могут делиться бесконечное число раз, если имеют постоянный источник питания, поэтому их называют бессмертными. Выдающимся примером тому является линия клеток, которая культивируется с 1951 года. (Клетки этой линии носят название HeLa, так как

были взяты из опухоли, удаленной у женщины по имени Генриетта Лакс.)»

Вот так. Поискала упоминаний о HeLa в энциклопедии у родителей, затем в своем словаре — Генриетты нигде не было.

Я окончила среднюю школу, затем колледж, в итоге получив степень по биологии, — клетки HeLa преследовали меня повсюду. Я слышала о них на занятиях по гистологии, неврологии и патологии; я использовала их в экспериментах по изучению взаимодействия с окружающими клетками. Однако после мистера Дефлера о Генриетте не упоминал никто.

В середине 1990-х годов у меня появился первый компьютер, я начала пользоваться интернетом и стала искать информацию о ней, но нашла лишь путаные обрывки: на большинстве сайтов сообщалось, что ее звали Хелен Лэйн, некоторые утверждали, что она умерла в 1930-х годах, а другие — что в 1940-х, 1950-х и даже в 1960-х. Где-то писали, что ее убил рак яичников, другие считали, что это был рак груди или шейки матки.

В конце концов я обнаружила несколько журнальных статей о ней, датированных 1970-ми годами. Так, в *Ebony* были процитированы слова мужа Генриетты: «Помню лишь, что она этим болела, и сразу после ее смерти мне позвонили на работу и спросили разрешения взять какой-то образец. Я решил, что не позволю им это». В *Jet* говорилось, что семья Генриетты была рассержена тем, что ее клетки продавали по двадцать пять долларов за пробирку и что статьи о них были опубликованы без их ведома. В частности, там было сказано: «Где-то в глубине души их грызло ощущение, что наука и пресса их использовали».

Во всех этих статьях были фотографии семьи Генриетты: ее старший сын сидит за обеденным столом в Балтиморе и рассматривает учебник по генетике. Средний сын в военной форме с ребенком на руках, улыбается. Однако одна

фотография привлекает внимание больше других: на ней дочь Генриетты Дебора Лакс в окружении семьи, все улыбаются и обнимаются, возбужденные, глаза их блестят. Все, кроме Деборы. Она стоит на переднем плане, одинокая, как будто кто-то приклеил ее фигуру на фотографию. Ей двадцать шесть лет, она красива, у нее короткие каштановые волосы и «кошачьи» глаза. Эти глаза жестко и серьезно смотрят в объектив. Подпись под фотографией гласит, что всего лишь несколько месяцев назад семья узнала о том, что клетки Генриетты по-прежнему живы, хотя со дня ее смерти к тому времени прошло уже двадцать пять лет.

В этих статьях также упоминалось, что ученые начали исследовать детей Генриетты, однако не было заметно, что Лаксы понимают, для чего проводились эти исследования. По их словам, их проверяли на наличие рака, убившего Генриетту, однако репортеры утверждали, что семью Лакс изучают с целью больше узнать о клетках Генриетты. Цитировались слова сына Генриетты Лоуренса, который желал знать, означает ли бессмертие клеток его матери, что он тоже будет жить всегда. «Безмолвным» оставался только один член семьи — Дебора, дочь Генриетты.

В дальнейшем, изучая писательское мастерство во время учебы в аспирантуре, я укрепилась в мысли когда-нибудь рассказать историю Генриетты. В какой-то момент я даже позвонила в справочную службу Балтимора насчет мужа Генриетты Дэвида Лакса, но его не оказалось в списках. У меня была идея написать книгу — биографию клеток и женщины, у которой их взяли, — чьей-то дочери, жены и матери.

Тогда я не могла даже вообразить, что тот звонок положит начало приключению, которое продлится десять лет, которое проведет меня через научные лаборатории, больницы, психиатрические клиники и принесет мне знакомство с совершенно разными людьми — от нобелевских лауреатов до работников продуктового магазина, осужденных уголовников и профессионального мошенника. Пытаясь

разобраться в истории с культурой клеток и со сложными этическими дебатами вокруг использования человеческих тканей в исследованиях, я была обвинена в тайном сговоре, оказалась припертой к стене в буквальном и в переносном смысле и в итоге стала объектом процесса, похожего на изгнание нечистой силы. В конце концов я встретила с Деборой, которая оказалась одной из самых сильных и жизнерадостных женщин, которых я когда-либо знала. Между нами возникла глубокая личная привязанность, и мало-помалу, даже не осознавая этого, я стала играть определенную роль в ее жизни, а она — в моей.

Мы с Деборой произошли из совершенно разных культур: я — белый агностик с Тихоокеанского Северо-Запада, наполовину из нью-йоркских евреев и наполовину из протестантов Среднего Запада. Дебора — глубоко религиозная черная христианка с Юга. Я имела привычку покидать помещение, когда речь заходила о религии, ибо мне делалось неловко; в семье Деборы питали склонность к проповедям, исцелению верой и порой даже к колдовству. Она выросла в «черном» районе, который был одним из наиболее бедных и наиболее опасных в стране; я росла в безопасной и спокойной среде среднего класса в преимущественно «белом» городе и ходила в школу, где было всего два черных ученика. Я была научным журналистом и все сверхъестественное называла штучками-дрячками; Дебора верила, что дух Генриетты живет в ее клетках и контролирует жизнь каждого, кто попадает на их пути. Включая меня.

«Как ты еще объяснишь, что твой преподаватель знал ее настоящее имя, в то время как все остальные называли ее Хелен Лэйн? — могла сказать Дебора. — Она пыталась привлечь твоё внимание». Такого рода рассуждения имели место в отношении всех событий в моей жизни. Так, в процессе работы над этой книгой я вышла замуж, ибо Генриетта хотела, чтобы кто-то заботился обо мне, пока я работала. А развелась я, как оказалось, потому, что она решила, что мой муж стоит

на пути книги. Когда с редактором, настаивавшим на том, чтобы я исключила из книги семью Лакс, произошел странный несчастный случай, Дебора сказала, что такое возможно, если разозлить Генриетту.

Лаксы бросили вызов всем моим представлениям о вере, науке, журналистике и расе. В результате родилась эта книга — история не только о Генриетте Лакс и клетках HeLa, но и о семье Генриетты (особенно о Деборе) и их длящейся всю жизнь борьбе за то, чтобы примириться с существованием этих клеток, а также о науке, которая сделала это возможным.

ГОЛОС ДЕБОРЫ

Когда люди спрашивают — и они, кажется, всегда будут спрашивать, никуда мне от этого не деться, — я отвечаю, что да, верно, мою мать звали Генриетта Лакс, она умерла в 1951 году, Джон Хопкинс взял у нее образцы клеток, и эти клетки до сих пор живы, и они по-прежнему размножаются, растут и распространяются, если их не заморозить. Ученые зовут ее HeLa, и она повсюду, по всему миру, в медицинских учреждениях, во всех компьютерах и в интернете — везде.

Когда я прихожу к доктору на осмотр, то всегда говорю, что моей матерью была HeLa. Это вызывает неподдельный интерес, мне начинают рассказывать всякие вещи, — например, что ее клетки помогли создать мое лекарство от давления и таблетки от депрессии и что все эти нужные штуки в науке случились благодаря ей. Но они никогда ничего не объясняют, только говорят: «Ну да, твоя мать побывала на Луне, она была в ядерных бомбах и приготовила эту вакцину от полиомиелита». Я и правда не представляю, как она все это сделала, но, наверное, я рада за нее, потому что тем самым она помогла многим людям. Думаю, ей бы это понравилось.

Все же мне всегда казалось странным, что раз уж клетки нашей матери принесли так много пользы медицине, то почему получается, что ее семья не может себе позволить ходить

к врачам? Бессмыслица какая-то. Люди разбогатели благодаря моей матери и даже не сообщили нам, что взяли ее клетки, и теперь мы не получаем ни дайма. Одно время это прямо сводило меня с ума, я тогда заболела и стала пить таблетки. Но я больше не хочу бороться. Я просто хочу знать, кем была моя мать.*

* Монета в 10 центов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

.....

ЖИЗНЬ

ГЛАВА 1

Прием у врача

29 января 1951 года Дэвид Лакс сидел за рулем своего старого «бьюика» и смотрел, как идет дождь. Он припарковался под высоким дубом рядом с больницей Джонса Хопкинса. В машине сидело трое его детей — двое из них были еще в пеленках, и они ждали свою маму Генриетту. Несколькими минутами раньше она выскочила из машины, набросила на голову пиджак и побежала в больницу мимо туалета для цветных (единственного, которым она могла воспользоваться). В соседнем здании под элегантной куполообразной медной крышей стояла мраморная статуя Христа высотой десять с половиной футов (3,2 м) с раскинутыми руками, будто обнимавшими двор, который некогда был главным входом в больницу. Каждый раз, приходя в больницу к доктору, все члены семьи Генриетты подходили к статуе Христа, возлагали к его ногам цветы, молились и терли его большой палец «на счастье». Однако сегодня Генриетта не остановилась.

Она направилась прямо в приемную гинекологической клиники — большой открытый холл, в котором не было ничего, кроме длинных скамеек с прямыми спинками, похожими на церковные скамьи.

— У меня узел в матке, — сказала она в регистратуре. — Нужно, чтобы доктор посмотрел.

Уже больше года Генриетта говорила своим ближайшим подругам, что неважно себя чувствует. Как-то вечером после ужина, сидя на кровати с двоюродными сестрами Маргарет и Сэди, она сказала: «У меня внутри узел».

— Чего? — переспросила Сэди.

— Узел, — повторила Генриетта. — Иногда он ужасно болит — когда мой хочет взять меня. Боже милостивый, сплошная боль.

Когда секс впервые начал причинять ей боль, Генриетта решила, что это связано с малышкой Деборой, родившейся несколькими неделями раньше, или с «дурной кровью», которую Дэвид порой приносил домой после ночей с другими женщинами, — добрые врачи лечили их уколами пенициллина и препаратов тяжелых металлов.

Генриетта взяла каждую из сестер за руку и приложила их к своему животу, как делала в то время, когда Дебора только начинала толкаться.

— Чувствуете что-нибудь?

Обе сестры снова и снова давили пальцами на ее живот.

— Не знаю, — задумчиво ответила Сэди. — Может быть, ты беременна вне матки? Знаешь, такое может случиться.

— Вовсе я не беременна, — возразила Генриетта. — Это узел.

— Хенни, ты бы выяснила, что там. А вдруг что-то нехорошее?

Но Генриетта не пошла к врачу, а двоюродные сестры никому не рассказали об этом разговоре в спальне. В те времена люди не обсуждали такие вещи, как рак, но Сэди всегда считала, что Генриетта держала свое состояние в тайне из-за боязни, что доктор удалит ей матку и она не сможет больше иметь детей.

Спустя неделю после разговора с сестрами о своем плохом самочувствии Генриетта, которой было на тот момент двадцать девять лет, забеременела Джо, пятым ребенком. Сэди и Маргарет сказали ей, что в конце концов боли могут быть связаны каким-то образом с ребенком. Но Генриетта по-прежнему настаивала на своем.

— Это было там до ребенка, — сказала она сестрам. — Это что-то другое.

После этого все они перестали говорить про узел, и никто не сказал ни слова об этой истории мужу Генриетты. И вот однажды, спустя четыре с половиной месяца после рождения Джозефа, Генриетта зашла в ванную и обнаружила на нижнем белье пятна крови, хотя до месячных было еще далеко.

Набрав воды, она села в теплую ванну и раздвинула ноги. Ни дети, ни муж, ни двоюродные сестры не могли войти в закрытую дверь, и Генриетта ввела палец себе внутрь и ощупывала шейку матки до тех пор, пока не нашла то, что с уверенностью искала: твердую шишку глубоко внутри, как будто кто-то запихнул небольшой шарик слева от входа в матку.

Генриетта вылезла из ванны, вытерлась насухо и оделась. Затем она сказала мужу: «Ты бы отвез меня к доктору. У меня кровь идет, хотя сейчас и не время».

Местный врач мельком осмотрел Генриетту, увидел шишку и принял ее за сифилитическую язву. Однако анализ шишки на сифилис был отрицательным, и тогда доктор предложил Генриетте обратиться в гинекологическую клинику Джонса Хопкинса.

Больница Хопкинса считалась одной из лучших в этих местах. Ее построили в 1889 году как благотворительную больницу для немощных и бедных. Больница занимала более пяти гектаров западного Балтимора на месте бывшего кладбища и приюта для умалишенных. Общие палаты больницы Хопкинса были переполнены пациентами, большинство из которых были черными и не могли оплатить свои счета за медицинское обслуживание. Дэвид проехал почти 20 миль (более 30 км), чтобы привезти сюда Генриетту, — не потому, что они предпочитали эту больницу, а потому, что это была единственная больница на многие мили, где лечили черных пациентов. То были времена сегрегации — если бы черные явились в больницу «только для белых», то персонал был бы обязан отправить их прочь, даже если бы это означало смерть больного прямо на парковке у больницы. Даже в больнице Хопкинса, где лечили черных пациентов, были смотровые

кабинеты и палаты «для цветных» и фонтанчики с питьевой водой «только для цветных».

Вот почему медсестра, вызвавшая Генриетту из приемного покоя, провела ее в одну-единственную дверь смотровой для цветных — одной из длинного ряда комнат, разделенных прозрачными стеклянными перегородками (что позволяло медсестрам смотреть из одной в другую). Генриетта разделась, облачилась в накрахмаленный белый больничный халат и легла на деревянный смотровой стол, ожидая дежурного гинеколога доктора Говарда Джонса. Худощавый сидящий Джонс говорил низким голосом, который смягчал легкий южный акцент. Когда он вошел в комнату, Генриетта рассказала ему о шишке. Прежде чем начать осмотр, он просмотрел ее медицинскую карту — беглый набросок ее жизни и длинный перечень невылеченных заболеваний.

Шесть или семь классов образования; домохозяйка и мать пятерых детей. С детства затрудненное дыхание из-за периодических инфекций в горле и искривления носовой перегородки. Терапевт рекомендовал хирургическую коррекцию, пациентка отказалась. Пациентка страдала зубной болью один раз на протяжении пяти лет. В конце концов у нее был удален зуб вместе с несколькими другими. Обеспокоена только относительно старшей дочери, которая страдает эпилепсией и не может говорить. Домашняя обстановка благополучная. Спиртным не злоупотребляет, выпивает очень редко. Не путешествовала. Питание повышенное. Отзывчива. Имеет девять братьев и сестер. Один погиб в автомобильной аварии, один умер в результате ревматического порока сердца, еще один был отравлен. Необъяснимое вагинальное кровотечение и кровь в моче в течение последних двух беременностей; терапевт рекомендовал сдать тест на серповидноклеточную анемию, пациентка отказалась. Живет с мужем с 14 лет, к половым сношениям не расположена. Пациентка страдает бессимптомным нейросифилисом, однако проходить курс лечения сифилиса отказалась, заявив, что хорошо

себя чувствует. За два месяца до данного обращения, после рождения пятого ребенка, у пациентки обнаружено значительное количество крови в моче. Анализы показали участки повышенной клеточной активности в шейке матки. Терапевт рекомендовал пройти диагностические процедуры и направил пациентку к специалисту для исключения инфекции или рака. Пациентка от посещения врача отказалась. За месяц до данного обращения у пациентки был положительный результат теста на гонорею. Пациентку повторно вызвали в клинику для лечения. Пациентка на лечение не явилась.

Неудивительно, что Генриетта столько раз не приходила в клинику повторно для дальнейшего лечения. Для нее появление в больнице Хопкинса было подобно поездке в чужую страну, на языке которой она не говорила. Она умела выращивать табак и забивать свиней, но никогда не слышала слов «шейка матки» или «биопсия». Она едва умела читать и писать и не проходила наук в школе. Она, как и большинство черных пациентов, приходила в больницу Хопкинса лишь тогда, когда считала, что у нее нет другого выхода.

Джонс выслушал рассказ Генриетты о болях и кровотечениях. «Она сказала, что знает, что у нее что-то не в порядке со входом в матку, — писал он позже. — На вопрос, откуда ей это известно, она ответила, что чувствует, будто внутри какая-то шишка. Я не очень понял, что она имела в виду, пока сам не прошупал это место».

Генриетта легла на спину, крепко уперлась ногами в скобки и уставилась в потолок. И конечно, Джонс нашел шишку именно в том месте, где, по словам Генриетты, она находилась. Доктор описал ее как эродированную твердую массу размером с пятицентовую монету. Если представить шейку матки в виде циферблата, то шишка находилась на уровне четырех часов. Джонсу приходилось видеть почти тысячу раковых поражений шейки матки, но он никогда прежде не видел подобного: блестящая и пурпурная («Как виноградное желе “Джелло”», — напишет он позже) и такая нежная, что кровоточила при

Жизнь

легчайшем прикосновении. Джонс отрезал небольшой кусочек для образца и отправил его вниз, в лабораторию патологии, на диагностику. Затем он сказал Генриетте идти домой.

Вскоре после этого Джонс сел диктовать записи о Генриетте и ее диагнозе: «История этой женщины интересна тем, что 19 сентября 1950 года здесь, в этой больнице, у нее приняли плановые роды, — говорил он. — Ни после родов, ни спустя шесть недель при повторном визите в истории болезни нет записи о каких-либо аномалиях шейки матки».

И тем не менее по прошествии трех месяцев она пришла со зрелой опухолью. Либо ее врачи не заметили эту шишку во время последних осмотров, что кажется невероятным, либо опухоль выросла с пугающей скоростью.

ГЛАВА 2

Кlover

Генриетта Лакс, урожденная Лоретта Плезант, родилась в городе Роанок (штат Вирджиния) 1 августа 1920 года. Никто не знает, каким образом она превратилась в Генриетту. Акушерка по имени Фанни приняла роды у ее матери в крохотной лачуге, в тупике одной из улиц, выходивших к железнодорожному депо, куда ежедневно приходили и откуда уходили сотни грузовых вагонов. Генриетта жила в этом доме с родителями и восемью старшими братьями и сестрами до 1924 года, когда ее мать, Элайза Лакс Плезант, умерла, рожая своего десятого ребенка.

Отец Генриетты, коренастый Джонни Плезант, прихрамывал и ходил с палкой, которой частенько поколачивал людей. Семейное предание гласило, что он убил родного брата за попытку приударить за Элайзой. Джонни не обладал должным терпением, чтобы воспитывать детей, поэтому после смерти Элайзы он привез их всех в Кlover (штат Вирджиния), где его семья выращивала табак на тех же полях, на которых их предки трудились в качестве рабов. Никто в Кловере не мог взять всех десятирех детей, и их по одному распределили между родственниками. Генриетта попала к своему дедушке Томми Лаксу.

Томми жил в так называемом доме-пристройке — четырехкомнатной хижине, служившей некогда жильем для рабов, с дощатым полом и газовым освещением. Воду Генриетта носила из ручья за большим холмом. Пристройка стояла на холме, и в щелях стен завывал ветер. Внутри воздух оставался настолько холодным, что, когда в семье кто-нибудь умирал, его тело могли несколько дней держать в передней, чтобы

все желающие могли повидаться с покойным и отдать ему дань уважения. Затем умершего хоронили на кладбище за домом.

У дедушки Генриетты уже был на воспитании внук — сын одной из его дочерей, которого она «забыла» здесь сразу же после того, как родила его на полу пристройки. Мальчика звали Дэвид Лакс, но все звали его Дэй, ибо на местном протяжном говоре Лаксов «дом» — «хаус» — звучал как «хайс», а имя «Дэвид» превращалось в «Дэй».

Юный Дэвид был, как говорилось у Лаксов, случайным ребенком: через городок проезжал мужчина по имени Джонни Коулмэн, а спустя девять месяцев родился Дэй. Роды принимали двенадцатилетняя кузина и повитуха по имени Манчи; мальчик родился синюшный, как грозовое небо, и не дышал. В пристройку пришел белый доктор в шляпе и с тростью, написал в свидетельстве о рождении ребенка «мертворожденный» и укатил обратно на коляске, запряженной лошадьми, оставив за собой облако красной пыли.

Пока он уезжал, Манчи молилась: «Господи, я знаю, ты не хотел забрать этого ребенка». Она помыла Дэя в кадке с теплой водой, затем положила его на белую простыню и принялась тереть и похлопывать до тех пор, пока младенец не сделал вдох, а его синюшная кожа не приобрела мягкий коричневатый цвет.

Когда Джонни Плезант привез Генриетту жить к дедушке Томми, ей исполнилось четыре, а Дэю — почти девять. Никто не мог предположить, что она проведет с Дэем всю свою жизнь — сначала как двоюродная сестра, с которой он рос в дедовой пристройке, а потом как жена.

В детстве Генриетта и Дэй просыпались каждое утро в четыре часа, чтобы подоить коров и задать корм цыплятам, свиньям и лошадям. Они шли в засаженный кукурузой, арахисом и зеленью огород, а затем вместе с кузенами Клиффом, Фредом, кузинами Сэди и Маргарет и кучей других уходили на табачные поля. Большая часть их жизни проходила в этих полях, где они, согнувшись, сажали табак, вышагивая

вслед за плугом, который тянули мулы. Каждый сезон дети срывали со стеблей широкие зеленые листья и делали из них небольшие связки, от чего кожа на пальцах облупливалась и становилась липкой от никотиновой смолы, а затем залезали на стропила дедушкиного сарая для хранения табака, чтобы развесить связку за связкой для созревания. Каждый летний день они молились о грозе, чтобы она охладила их кожу от палящего солнца. Когда буре случалось-таки разразиться, дети кричали и носились по полям, набирая полные пригоршни спелых фруктов и грецких орехов, сорванных с деревьев порывами ветра.

Подобно большинству юных Лаксов, Дэй не закончил школу. Он доучился только до четвертого класса, поскольку был нужен семье для работы в поле. Генриетта дотянула до шестого класса. Каждое утро на протяжении учебного года она после работы в огороде и по уходу за скотиной отправлялась за две мили (примерно 3 км) — мимо школы для белых, где дети кидались в нее камнями и насмехались над ней, — в школу для цветных, которая занимала деревянное трехкомнатное здание бывшей фермы, укрытое под высокими тенистыми деревьями. Прямо перед школой был двор, где в соответствии с порядком, введенным миссис Коулмэн, мальчики и девочки играли по отдельности. Каждый день после занятий (или когда их вовсе не было) Генриетта уходила в поля с Дэем, кузенами и кузинами.

Окончив работу, они бежали прямо к запруде на ручье позади дома, которую устраивали каждый год. В ход шли камни, палки, мешки с песком и все прочее, что они могли опустить на дно. Дети кидали камни, чтобы распугать ядовитых щитомордников, и затем бросались в воду с ветвей деревьев или ныряли с илистого берега.

С наступлением ночи они жгли костры из старых башмаков, чтобы распугать комаров, и глядели на звезды, сидя под раскидистым дубом, к которому привязывали свисающую веревку, чтобы на ней раскачиваться. Играли в салочки,

классики, водили, танцевали и пели возле поля, пока дедушка Томми не кричал всем идти спать.

Каждый вечер куча кузин и кузенов набивалась в тесное помещение над маленькой деревянной кухней всего в нескольких футах от дома-пристройки. Они лежали вповалку и рассказывали истории о безголовом табачном фермере, бродившем ночами по улицам, или о безглазом человеке, который жил у ручья. Затем дети засыпали и спали до тех пор, пока бабушка Хлоя не начинала внизу топить дровяную печку и не будила их запахом свежей выпечки.

В сезон сбора урожая каждый месяц в один из вечеров дедушка Томми запрягал лошадей и готовился к поездке в Саут-Бостон, где находился второй по величине рынок табака в стране — с табачными парадами, пышным шествием Табачной Мисс и портом, где стояли суда, полные сухих табачных листьев для курильщиков со всего мира.

Прежде чем покинуть дом, Томми созывал юных кузенов и кузин, и они устраивались в повозке на ложе из табачных листьев, борясь со сном, сколько возможно, чтобы потом заснуть под мерный цокот лошадиных копыт. Как и все вирджинские фермеры, Томми Лакс и его внучата ехали всю ночь напролет, чтобы доставить свой урожай в Саут-Бостон, где они на рассвете выстраивались в очередь — повозка за повозкой, — ожидая, пока откроются огромные зеленые деревянные ворота аукционного склада.

По прибытии Генриетта и остальные дети помогали распрячь лошадей и наполняли их кормушки зерном, затем разгружали свой табак на дощатый пол склада. Аукционист на одном дыхании выкрикивал цифры, и его голос гулко отзывался в огромном открытом помещении, потолок которого — с окнами на крыше, почерневшими от многолетней грязи, — достигал высоты почти что в тридцать футов (более 9 м). Пока Томми Лакс стоял со своим урожаем, моля Бога о хорошей цене, Генриетта с братьями и сестрами носились вокруг кип табачных листьев и скороговоркой несли всякую